

Вера Катша

Элеонора
Сергей

Раткевич

ВРЕМЯ ЗОЛОТА,
ВРЕМЯ СЕРЕБРА

Вера Викторовна Камша
Crataegus Sanguinea.

Время золота

Серия «Время золота,
время серебра», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130392

Время золота, время серебра: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-14463-3

Аннотация

Повесть о войне и любви. И еще – о гномах, столь редких в книгах Веры Камши. Но все же они – не главные герои повествования...

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
1	13
2	19
3	24
4	29
5	36
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вера Камша

Grataegus Sanguinea.

Время золота¹

Элеоноре Раткевич

Я помню ее только живую. Она живет в моей памяти. И когда меня не станет, ее не станет вместе со мной. Мы умрем в один и тот же миг, будто убитые одной молнией, и в этот миг для нас кончится война.

Вадим Шефнер

Пролог

Осень. Поражение

– Мы не можем его бросить, – Хьюго Дерракотт тряхнул обязанной окровавленной тряпкой головой и едва не взвыл от боли, – не можем!..

– Сядь и успокойся! – прикрикнул Ники Глоу. Он был младше Хьюго и по годам, и по титулу, но сегодняшнее, вернее, вчерашнее сражение стерло различия. – Если сдохнешь еще и ты, никому легче не станет. Разве только Дангельту, чтоб ему провалиться!

– Провалится, – уверенно произнес Джон Лейси и объяснил, куда именно провалится Малкольм Дангельт и его прихвостни. Джон был простым стрелком, но поражение сносит стену между полководцем и ратником. Победа тоже, но лишь на мгновенье, а потом возводит новую, до небес.

Хьюго поморщился и опустился на землю рядом с Фрэнси Элгеллом. Судьба провела Фрэнси через айнсвикский ад без единой царапины, но лучше б он был ранен или мертв, а Эдмунд жив. Битва давно кончилась, а Элгелл все еще видел рвущуюся вперед фигуру в залитых кровью доспехах и красно-белый стяг, стелющийся в синем небе, словно борзая. То, что сделал Эдмунд, было безумием, но другого выхода не было, если не считать бегства. Проклятый Бэнки! Предатель, мерзавец, неблагодарная тварь! Но что теперь махать руками? Даже сдохни Дангельт, даже околеет все, кто дрался за ледгундское золото, Эдмунд не встанет. Твоего короля больше нет, Фрэнси, нет и никогда не будет! Он больше не засмеется, не взмахнет рукой, не откинёт назад волосы, не скажет, что ненависть порождает лишь ненависть и что страна устала от войны, в которой изначальная правда давно никого не волнует...

Сэр Фрэнсис Элгелл поднял валявшуюся у огня трехрогую ветку и швырнул в костер. Пламя вцепилось в новую добычу, что-то треснуло, к звездам взлетела стайка искр. Словно обезумевший оранжевый снег, которому вздумалось идти вверх. Лорд Элгелл подождал, пока погасла последняя ис-

кра, и встал.

– Ты куда? – подозрительно спросил Хьюго.

У бедняги начинается лихорадка, вряд ли он утром сможет идти сам. Ничего, понесем, знать бы еще куда. Бежать в Соану? В Арсалию? Поднимать восстание? Восстание во имя кого? Если повезет, они отомстят, а дальше? Олбарии нужен король, но Доаделлинов больше нет. Эдмунд был последним в роду, он вообще был последним. Больше рыцарей в этом мире не осталось, выжившие люди с золотыми шпорами и гербами не в счет. Рыцарь – это не звучный девиз и не родословная длиной в лигу, рыцарь – это милосердие, совесть, благородство, это то лучшее, что вложил в наши души Господь...

– Ты куда? – повторил Хью.

– К Эдмунду, – бросил Элгелл. Мертвый ли, живой, Эдон оставался его королем. – Конечно же, я иду к Эдмунду.

– Я с вами, милорд, – Джон неторопливо поднялся, он вообще все делал неторопливо. На первый взгляд.

– С ума сошли? – не очень уверенно произнес Глоу. – Что мы можем?

Фрэнси замялся, не найдя слов. Их нашел Джон.

– Мы его похороним. – Стрелок деловито осмотрел свою перевязь. Лорд на его месте сказал бы «или умрем», но сын йентского смолокура не отличался говорливостью.

– Вы до него не доберетесь, – молчавший до этого сэр Кэтсбри покачал тяжелой головой. – Его стерегут каррийцы.

– Ублюдки. – Казалось, из горла Джона сейчас вырвется рычанье.

Элгеллу тоже хотелось зарычать и вцепиться в горло победителям. Эдмунд всегда был честен с врагами и милосерден с пленными, а его швырнули в грязь у колодца для скота. Голым! И раструбили о своем подвиге на всю округу. Олбарийцы не должны усомниться в смерти побежденного короля, олбарийцы должны видеть его труп...

– Будь проклят Малкольм, – глухо произнес Хьюго и с трудом поднялся. – Дангельты не знают, что такое честь.

– Ничего, – буркнул Джон, – наш аббат говорит, мельницы Господа мелют медленно, но наверняка. Они свое получают, ой получают... И за короля, и за лягушачье золото...

– Хьюго, – Фрэнси с подозрением глянул на друга, – ты-то куда собрался?

– Я – рыцарь, – лицо Дерракотта скривилось от боли, – и я не могу...

– Можешь, – прикрикнул Глоу, – не хватало еще с тобой возиться! Сиди и жди... Если что, помянешь нас в своих молитвах. Нас и короля. Но мы вернемся...

Хьюго кивнул и послушно опустил на распластанный на земле плащ. Четверо мужчин угрюмо переглянулись и скользнули в темноту, пятый остался. Он был слишком воином, чтоб не понимать, что станет не помощью, а обузой. Он сейчас не годился ни на что, позади было поражение, впереди... Хью не знал, сколько и каких дней отпущено ему, но

готов был отдать жизнь за то, чтоб похоронить своего сюзерена, и душу за то, чтоб смерть узурпатора не была легкой. Если есть справедливость, ублюдок будет подыхать долго и в полном сознании...

Рыцарь вздохнул, и это было ошибкой: боль хлестнула по виску и спине огненным кнутом. Эдмунда тоже ударили в спину, ударили, когда до прячущегося за наемников ублюдка оставалось совсем немного. Король Олбарии так и не повернул коня, влетев в вечность с боевой секирой в руках.

Выпала роса, в черном небе одно созвездие сменялось другим, ветер пошевелил ветки и уснул, а Хью сидел у костра, время от времени подбрасывая в огонь собранный Джоном хворост. Сил думать не было. Сил вообще не было, боль и та отползла куда-то, чтоб вернуться с рассветом и вцепиться в отлежавшуюся жертву. Боль не питается мертвечиной.

– Осторожно!

Вернулись! Вернулись, дьявол их побери. Дерракотт вскочил, пошатнулся, но умудрился не упасть. Закусив губу, он стоял и смотрел, как Фрэнси расстилает плащ, а стрелок укладывает на него неподвижное тело. Глоу и Кэтсбри не было, Хью не стал спрашивать, где они, все было ясно и так. Меч Фрэнси лежал на примятой траве, и кровь на нем была свежей. Хорошо, что Джон силен как бык, он нес Эдмунда, пока другие прикрывали ему спину. Хорошо, что Эдмунд не отличался богатырским сложением, хотя и был первым бойцом Олбарии... Был... Больше не будет, воин проиграл тру-

су...

Отогнав огрызнувшуюся боль, Хью Дерракотт стал на колени перед тем, кто еще утром носил корону Олбарии. Хотя при чем тут корона?! Хью был верен сюзерену, но любил он человека, и человек этот стоил любви как никто другой. Его любили все, кроме тех, кто ненавидел.

Эдмунд лежал на алом рыцарском плаще и, казалось, спал. Он казался хрупким и очень молодым, младше своих неполных тридцати трех. Будь прокляты убийцы во веки веков, прокляты до последнего колена! Фрэнси молча расправил темные волосы короля, нечаянно коснулся ссадины и виновато отдернул руку.

Эдмунда Доаделлина убили в спину, спереди на теле виделось лишь несколько синяков, и еще была ободрана щека – когда победители сдирали с убитого одежду и доспехи, они не церемонились.

Джон дважды обошел поляну и остановился у куста боярышника. В здешних краях «королевский куст» растет везде. Боярышник был и на королевском гербе, боярышник и меч в серебряных ножнах. Доаделлины клялись защищать Олбарию, именно защищать. Эльфы короновали первого Доаделлина венком из цветущего боярышника, но это было давно, и это было весной, а теперь – осень, и боярышник усыпан кровавыми ягодами...

Жар костра заставил вздрогнуть темные ресницы, в сердце Хьюго встрепенулась безумная надежда, но куда там! Ру-

ка Эдмунда была ледяной, и Дерракотт сжал ладонь короля в своих, словно мог ее отогреть. На среднем пальце Эдмунд носил кольцо, память об отце, теперь оно исчезло. Мародеры или Дангельт? Хотя какая разница...

Стрелок вынул нож и принялся срезать куски дерна. Фрэнси что-то сказал, наверное, предложил помощь, Джон Лейси покачал головой, давая понять, что справится. Лорд Элгелл кивнул, отошел, сбросил куртку и принялся стаскивать с себя рубаху. Хью не сразу сообразил, зачем, а поняв, взялся за свои сапоги. Эдмунд ляжет в могилу одетым, как рыцарь.

Они кончили одевать убитого, и Фрэнси тихо сказал:

– Нужна корона...

Хью с недоумением уставился на друга. Перед боем Эдмунд велел закрепить корону поверх шлема, сейчас она, должно быть, в руках Дангельта. Серебру все равно, чью голову венчать.

– Боярышник, – решил Фрэнси, – венок из боярышника.

Алые ягоды, сменившие белые цветы. Фрэнси прав.

– Хорошо придумано, милорд, – Джон закончил срезать траву и глубоко вздохнул, словно лошадь. – Только сплести-то их как?

– Мы их привяжем, – Хьюго сорвал с шеи графскую цепь, – вот сюда...

Они сделали корону из сложенной вдвое цепи, к которой приладили листья и гроздья ягод. Элгелл поцеловал мертвого в лоб и в скрещенные руки и осторожно возложил венец

из боярышника на темные волосы. Красные ягоды казались каплями крови.

– Словно сын Божий, – прошептал Джон, кусая губы, – прими Господи его душу.

– Нужно найти священника, – шепнул Хью. – Король Олбарии должен лежать в освященной земле...

– Не надо, милорды. Место здесь хорошее, чистое, а Господь и так знает, кто чего стоит. Ему, – стрелок поклонился мертвому, – ходатай не нужен, чист он. А попа искать – мало ли на кого нарвемся. Негоже, чтоб до него вдругорядь добрались.

– Вы правы, Джон, – лорд Элгелл говорил со стрелком, как с равным. – Господь не допустит, чтобы ублюдки нашли могилу и надругались над ней, хотя...

Фрэнси осекся. Хью знал, о чем тот думает, потому что сам думал о том же. Почему Господь позволил восторжествовать подлости и предательству? По чему?!

Если б Эдмунд поменьше прощал врагов и побольше думал о себе, он был бы жив! И не только он. Милосердие короля обернулось бедой для всей страны. Потому что захватившие власть за чужие деньги Дангельты будут расплачиваться с кредиторами, а кредиторы эти – исконные враги Олбарии. Потому что оголодавшие ничтожества будут драть три шкуры с народа, и пройдет не меньше сотни лет, пока они насосутся. Потому что совесть, честь и милосердие будут забыты, а править будут зависть и корысть... А совесть и честь оста-

нутя здесь, в одинокой могиле под кустом боярышника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕСНА. НАШЕСТВИЕ

1

Дженни с трудом подняла тяжеленную бадью и выплеснула в корыто. Свиньи, расталкивая друг друга, устремились к долгожданному вареву, Дженни поставила бадью на землю и утерла лоб рукавом. День только начинался, а она уже валится с ног. Ну кто ж виноват, что она уродилась такой хилой? Пока мать была здорова, они хоть как-то сводили концы с концами, но теперь на троих едоков – одна работница, и та никудышная!

– Опять стоишь, мерзавка! – Миссис Пулмсток, необъятная в своей розовой юбке и украшенном сальным пятном переднике, стояла на крыльце. – Как жрать, так за троих, а как работать, тебя и нет!

Девушка вспыхнула и помчалась на кухню, где ее ждали немытые миски и мистер Пулмсток, которого хлебом не корми, дай ущипнуть служанку. Хорошо хоть Дженни хозяин замечал, лишь когда под рукой не оказывалось Мэри или Кэт. Мэри и Кэт были красавицами, а в «Белом быке» служили потому, что им нравилось разносить вино и смеяться. Джен-

ни им не завидовала: трактирное веселье девушку не привлекало, а покрасневшиеся, пахнущие пивом и вином гости казались опасными, как племенной бык дядюшки Тоби. Дженни тенью скользнула в самый дальний уголок и взялась за посуду, которой за утро скопилась целая гора. Девушка оттирала застывшее сало, стараясь не думать о том, что, будь она сиротой, она ушла бы из Сент-Кэтрин-Мид куда глаза глядят.

Дженни была слишком поглощена своими мыслями и грязными мисками, чтобы заметить подкравшегося хозяина, а мистер Пулмсток вообразил невесть чего. Девушка слабо вскрикнула, пытаясь высвободиться, и тут в кухню ворвалась хозяйка. Первый удар обрушился на мужа, второй – на Дженни. Оставив чепчик в лапах разъяренной толстухи, девушка бросилась вон из кухни. На лестнице один из башмаков свалился и покатился вниз, но Дженни была слишком напугана, чтобы возвращаться. Выскочив на улицу, она кинулась бежать, не разбирая дороги. Второй башмак мешал, Дженни тряхнула ногой, отшвырнув обузу в канаву. Ей казалось, что за ней гонятся все чудовища мира, сердце колотилось, из глаз текли слезы. Дженни вряд ли смогла бы объяснить, что было гаже – лапы хозяина или вопли хозяйки, ей хотелось одного: убежать, спрятаться и чтоб ее никто и никогда не нашел.

Беглянка пришла в себя только на опушке Грэмтирского леса. Она и не заметила, как пробежала чуть ли не лигу.

Дженни опустилась на колени, напилась пахнувшей медом и сосновыми иглами воды, а потом подобрала юбки и забрела на середину ручья. Вода стала розовой – девушка сбила ноги до крови и не заметила этого.

Все было очень плохо. Пулмстоки ее прогонят, и ее семья умрет с голоду если не летом, то зимой. Милостыню просить она не сумеет, а Джонни тем более. Милостыню просят те, кому не стыдно хватать за стремяна проезжих и кто умеет постоять за себя, добывая местечко у церкви.

Совсем рядом пискнуло, покачнулась потревоженная ветка, в воздухе мелькнуло что-то пестрое. Скворчонок! Учится летать... Смешной. Дженни невольно улыбнулась. До зимы было далеко, светило солнце, у ручья цвели незабудки, большие, куда больше, чем у деревенского пруда. Девушка нарвала цветов и сплела венок, а затем медленно побрела вверх по течению. Ручей обступили зеленые стены, отрезая Дженни от мира, в котором не прожить без силы, нахальства, денег. Возвращаться не хотелось, и девушка брела по колени в воде, пока прибрежные кусты не расступились. Сбегавшая к ручью поляна была алой от созревшей земляники. Это тоже было подарком, кусочком неожиданного счастья. Девушка собирала сладкие до горечи ягоды, жалея лишь о том, что у нее нет корзинки.

Ничего, завтра они придут сюда с Джонни, он наестся вволю, они наберут ягод для мамы. Им не помешают: в Грэмтирский лес ходят мало – кому охота продираться сквозь тер-

новник и ежевику, а подняться по ручью никто не догадался. От того, что она узнала что-то неизвестное другим, Дженни рассмеялась. Этот лес был ее королевством, ее тайной, ее радостью. Дженни валялась в высокой траве, слушала птиц, грызла травинку и в конце концов уснула. Разбудила ее прохлада – солнце ушло, а тени выросли и лежали совсем по-другому, чем утром. Мать Божия, она же проспала целый день!

Покидать поляну не хотелось, но нельзя же поселиться в лесу. Она не одна на белом свете, дома волнуются, а если приходила миссис Пулмсток? С нее станется! И что теперь думает мама? Дженни опрометью бросилась к ручью, не продираясь же сквозь колючие кусты, да и прямой дороги она не знает. Девушка бежала, не обращая внимания ни на стрекоз, ни на раскрывшиеся к вечеру цветы. Домой! Только домой!.. Вот и опушка, старое, побелевшее от времени бревно, одинокий, вырвавшийся из чащи куст, зеленая изгородь... Какой странный запах! Дым? Где-то горит...

В стороне Сент-Кэтрин-Мид к небу поднимались черные, крученые столбы, наверху сбивавшиеся в угрюмую тучу. Пожар?! Горит вся деревня... Вся?! Мама! Джонни!

Будь у Дженни на ногах крылья, она бы все равно опоздала.

У сорванных с петель ворот «Белого быка» лежала миссис Пулмсток, ее живот возвышался хорошо взбитой подушкой, задранная юбка закрывала лицо. Кэт и Мэри были тут

же. Голова Кэт была разрублена, растрепанная Мэри сидела, прижимаясь к стене, и подвывала, правый глаз у нее заплыл, шея и грудь были в синяках. Дженни с криком бросилась к подруге, та подняла пустые глаза, замотала головой и залопотала что-то непонятное. Откуда-то выбрался Том, трактирный кот, и принялся тереться о ноги Дженни. Он был теплым и мягким.

– Дьявол! – Мэри отползала от них, указывая пальцем на Томми. – Дьявол, сгинь... Pater Noster...

– Мэри, – пролепетала Дженни, – это же я, а это – Том...

– Дьявол... Дьявол и ведьма... Ты не Дженни, ты – ведьма, ты пьешь кровь! Ты привела карликов!

Мэри вскочила, от ее щегольской юбки осталось несколько лоскутов, полные белые бедра были в потеках запекшейся крови. Дженни неуверенно шагнула вперед, Мэри с воплем «Не подходи!» бросилась бежать. Дженни сжала зубы и помчалась в другую сторону. К дому, которого не было. Сколько раз после очередной выволочки ей приходила в голову подлая мысль, что, будь она совсем одна, она бы и дня в Сент-Кэтрин-Мид не осталась. Теперь она была свободна. У нее не было ни дома, ни брата, ни мамы.

Дженни стояла и тупо смотрела на пожарище, когда слышались грубые голоса. Несколько мужчин орали песню на чужом языке. Они были пьяны – Дженни достаточно прослужила на постоялом дворе, чтоб отличать пьяное веселье от настоящей радости.

В Сент-Кэтрин-Мид кто-то был, и этот кто-то был бедой и смертью. Дженни не поняла, как выскочила из разоренной деревни, как умудрилась обойти чужаков, горланивших песни на пожарище. Пробравшись сквозь зеленую изгородь, девушка бросилась к лесу, третий раз за день повторяя один и тот же путь...

2

– Мой государь, – граф Бэнки поклонился, проклиная выступившую на лбу испарину, – дурные известия.

– Дурные известия? – переспросил Его Величество Дункан Первый. Он всегда переспрашивал, когда хотел собраться с мыслями. – Откуда?

– Нападение, – выдохнул Бэнки и осекся, поймав мрачный взгляд.

– Кто посмел? – Ноздри Дункана угрожающе раздулись.

– Ледгундцы! – пробормотал лорд канцлер. – Ледгундцы, каррийцы и куиллендцы. И еще гномы. Они стоворились...

– Этого не может быть! – рявкнул Дункан, и Бэнки сжался в комок. Он приходился королю родичем, но это ничего не значило. Дункан запросто мог послать его на плаху, чтоб, укрепив дух зрелищем отрубленной головы, вернуться к сути донесения.

Его Величество стоял у камина, широко расставив толстые ноги и уперев руки в бедра. В молодости король был очень хорош собой, но дурные привычки и любвеобильность свое дело сделали. К сорока годам Дункан Дангельт превратился в грудку сала, но продолжал считать себя неотразимым, и для этого у него были все основания: еще ни одна дама или девица не посмела отвергнуть монаршую любовь. Дункан сидел на троне девятнадцать лет, и все эти годы его под-

данные, вставая утром, не знали, доживут ли до вечера. Рубить головы тем, кто ему не нравился, король умел отменно, но воевать ему не доводилось, особенно с гномами.

При мысли о подгорных жителях Бэнки стало зябко. Вторжение не было неожиданным, еще дед Бэнки говорил, что недомерков расплодилось слишком много, а копи Петрии велики, но не бесконечны. Когда пчелам тесно в улье, они роются, когда гномам тесно под землей, они воюют.

Железный рой, легендарный гномий шарт... Его еще никто не разбивал, по крайней мере, никто из людей. Хроники рассказывают, что происходит, когда гномы вырываются на поверхность. Опьянев от света, простора, свежего воздуха, они железной лавиной идут вперед, грабя, убивая, насилуя. Низкорослые, дорвавшиеся до дармового пива и мяса здоровяки не пропускают ни одной женщины. Им, всю жизнь корпевшим в подземельях, добывавшим, ковавшим, продававшим, нравится разрушать построенное другими. Именно так пали Магальпия и Вельта. Спустя два века пришел черед олбарийцев, но их спасли эльфы Изумрудного острова, по известной лишь им причине пришедшие на помощь смертным соседям.

Дивный народ ничего не просил взамен, просто в день, когда людей оставила надежда, в Йенну вошли белокрылые корабли, полные воинов в легких серебристых доспехах. Мечом и магией эльфы осадили обезумевших гномов, уцелевшие в битве у Эксхема уползли под землю зализывать раны,

а сын эльфийского полководца взял в жены дочь эксхемского тана. Их сын стал первым королем единой Олбарии. Доаделлины правили страной пятьсот лет, они были ее мечом и щитом, сорок восемь лет назад их не стало...

Второй король новой династии оторвался от созерцания то ли собственных сапог, то ли собственного брюха и буркнул:

– Подробнее!

Пронесло! Дункан займется не дурными вестниками, а дурными вестями.

– Ваше Величество, утром четвертого дня в устье Йенны высадилась ледгундская армия. Туда же, на соединение с лягушатниками, подошли каррийцы. В тот же день куиллендцы перешли перевалы Гак–Дори и Гак-Роннован и двумя клиньями ударили на Коллсвери, а гномы вышли из Петрии и движутся на Лоумпиан. Нет сомнения, что они в сговоре, а каррийцы всегда готовы предать.

Эх, зря он это сказал, ведь именно каррийцы возвели на престол отца Дункана, ударив в спину Эдмунду Доаделлину. Победители назвали предательство подвигом, каковой каррийцы при первом же удобном случае не замедлили повторить.

– Этого не может быть. – Лицо короля медленно наливалось кровью. – Якш – наш союзник... Он заключил договор...

Разумеется, заключил. И получил Сигурдовы выработки,

но Феррерс осталась за людьми, а недомерки на нее давно зарятся.

– Ваше Величество! Когда гномы выходят из пещер и идут искать новые земли, их владыка над ними не властен. У них новый предводитель, который желает стать королем новых мест.

Отец Дункана тоже желал стать королем, а соседи ему помогли. Ледгундия и Якш... Гномы живут долго, подгорный правитель уже тогда знал, когда его подданные сорвутся с цепи. Если бы гномы, памятуя о древнем поражении, не рискнули выбраться из своих пещер, они бы принялись резать друг друга и трон старого хитреца зашатался бы. Вот Якш и сговорился с врагами Доаделлинов, страх перед которыми был длиннее пресловутых гномьих бород.

Старую династию уничтожили руками людей, получивших от подгорного короля золото и оружие. Дед Бэнки был одним из тех, кто взял гномье золото и ударил в спину последнему из Доаделлинов. В благодарность Малкольм Первый сначала назначил его постельничим, а затем отрубил голову. С согласия своей матушки леди Бэнки, пожелавшей видеть графом не третьего мужа, а второго сына.

Царственный внук достойной леди хмуро оглядел ее же правнука.

– Отправьте навстречу гномам де Райнора и Лэнниона и пошлите гонца наместнику Севера. Если он остановит куиллендцев – станет рыцарем Белой Цапли, нет – останется без

головы. А вы, Майкл, соберете ополчение и отправитесь навстречу ледгундцам.

Легко сказать. Ополчение сползется не раньше чем через месяц, и еще вопрос, каким оно будет. Это Доаделлины в считанные дни поднимали всю страну, но кто по доброй воле станет защищать короля, обрезающего края монет и рубящего руки за охоту в королевском лесу?

Прибрежные лорды присягнут Ледгундии и не чихнут. Самые умные наверняка уже присягнули... Дьявол и Преисподняя, лорд Бэнки не самоубийца. Пусть Джеральд де Райнор ломает себе шею, Майкл Бэнки не столь глуп. Он выступит из Лоумпиана во главе ополчения, а потом сделает то же, что дед при Айнсвике. Зачем терять голову, защищая неблагодарную скотину, хоть и коронованную, если можно стать ледгундским графом? Дангельтам так и так конец: средняя Олбария достанется гномам, северная – куиллендцам, а побережье – ледгундцам.

– Ваше Величество, я сделаю все, что в моих силах.

– Этого мало. Вы разобьете ледгундцев и каррийцев или отправитесь на эшафот. А теперь ступайте...

Майкл Бэнки молча поклонился и направился к двери.

– Стойте.

Бэнки остановился, его спина покрылась холодным потом.

– Сначала прикажите приготовить мой корабль и перевезти на него малую сокровищницу...

3

Седой как лунь Лейси поворошил угли костра. Вечерело, ветер раскачивал ветви сосен, в темно-синем небе таял птичий клин.

– Мясо поспело, – объявил бывший стрелок.

– Спасибо, Джон, – улыбнулся Эдмунд, – что бы мы без тебя делали...

– Да уж точно не пропали бы, – буркнул старик, но ему было приятно. Он любил своего короля, иначе не нашел бы этот замок в лесу.

Фрэнси Элгелл поднялся и направился к седельным сумкам, в которых были вино и хлеб. Много дней, а может быть, лет назад они с Хьюго догнали Глоу и Кэтсбри на лесной опушке. Фрэнси не знал, что был убит на следующий день после Айнсвикской битвы, а Хью – что умер от ран на руках Джона Лейси. Они ничего не знали, пока не встретили Эдмунда, его улыбка разогнала туман, и рыцари вспомнили все: бой, предательство, лес, свежую могилу под кустом боярышника, ненависть, боль, безнадежную волчью тоску. Как хорошо, что все это в прошлом!

Порыв ветра растрепал пламя костра, окутал охотников облачком дыма. Фрэнси принялся открывать вино, Джон занялся мясом. Все было чудесно. Замечательный вечер после длинного удачного дня...

Эдмунд не искал ни власти, ни роскоши, он хотел мира, а не войны, хотя был рожден воином и полководцем. Теперь он обрел то, к чему всегда стремился. Неудобные злу и не поддавшиеся ему обретают если не счастье, то покой.

– Милорд, что с вами? – Джон с тревогой смотрел на вскочившего Эдмунда.

– Это другой дым, – встревоженно бросил король, – другой... Неужели не чувствуете?

Фрэнси замер, подставив лицо усиливавшемуся ветру, и кивнул:

– Ты прав, это горит Олбария...

Что ж, этого следовало ожидать. Дангельтов использовали, чтоб сломать меч Доделлинов, теперь пришла расплата. Олбарийцы заслужили свою участь – одни предав, другие сожрав предательство. Что ж, империи и королевства рано или поздно рушатся, на их развалинах возникает что-то новое, так было и так будет. Олбария убили на Айнсвикском поле, не все ли равно, что станет с обломками.

– Я лежу в неосвященной земле, – очень тихо произнес Эдмунд и замолчал, но Фрэнси понял больше, чем сказал сюзерен. Упокоенные в неосвященной земле могут вернуться.

– С ума сошел? – напрягся Хьюго. – Если ты уйдешь, ты... Ты же знаешь, что с тобой будет!

– Знаю, – король улыбнулся одними губами – точно так же он улыбнулся, когда стало известно о предательстве Бэнки и

Фрэнси предложил бежать. Тогда Эдмунд сказал, что умрет олбарийским королем, и сдержал свое слово, как, впрочем, и всегда.

Хью сжал зубы. Для себя Эдон уже все решил, теперь он примется их успокаивать и утешать, а они будут спорить, зная, что это бессмысленно. Король поднял с песка сосновую шишку и принялся задумчиво вертеть. Руки Эдмунда напоминали о его эльфийском предке, так же, как глаза и какая-то странная чуткость, словно у натянутой струны.

– А ты, Джон, – король ловко бросил шишку в костер и теперь в упор смотрел на старого стрелка, – ты присоединился к нам позже всех. Ты тоже думаешь, что после нас хоть потоп?

– Люди там, – вздохнул Джон, – живут себе... Я уходил, внучка замуж собралась, ух и ревела она... Уж не знаю, что с девчонкой, может, померла давным-давно, но кто-то ж остался... Хоть бы до них война не добралась.

– Видишь, Хью, – улыбнулся Эдмунд, – там остались люди... Они не виноваты ни в моей глупости, ни в подлости Дангельтов, ни в том, что гномам позарез нужны Феррерские копи, ледгундцам подавай господство на море, а куиллендцам – земли на равнинах...

– Тот, кто прав перед Господом, придет туда, где ему будет легко, – поднял голову Кэтсбри, – и встретит тех, кого любит. Мы же встретили...

Да, они встретили, им хорошо в лесном замке, где нет ни

интриг, ни предателей, ни злобы. Они вместе, они свободны, они счастливы... Были счастливы, пока странный ветер не принес запах дыма и отдаленный плач. Олбария горит, но это не их война и не их печаль, они отдали этой земле все – свою кровь, свою верность, свою любовь. Смерть освобождает от любой клятвы.

– Ты прав, – кивнул Эдмунд. Он всегда соглашался с разумными доводами, но поступал по-своему. Потому они все за ним и шли. До смерти и далее.

– Ты идешь? – Фрэнси не спрашивал, а утверждал.

– Иду. – В серебристо-серых глазах мелькнуло сожаление, так бывало всегда, когда сначала принцу, а потом королю приходилось огорчать друзей. Взявшись за дело, Эдмунд не позволял себе слабости, но он не любил войну, хотя не воевать не мог – слишком много врагов посягали на Олбариию. Король виновато улыбнулся: – Я должен, Фрэнси, ты же знаешь.

– Тогда не о чем и говорить, – пожал плечами Элгелл, – но я отправляюсь с тобой.

– Мы отправляемся, – уточнил Глоу.

– Вы не можете, – покачал головой Эдмунд, – вы лежите в освященной земле, а ты, Хью, и ты, Джон, приняли последнее причастие и исповедались. Вам позволено быть со мной, вам удалось вспомнить, кем вы были, но вернуться вам не удастся.

– Эдон, – Кэтсбри попробовал зайти с другого конца, –

что ты сможешь?

Что может боящийся солнечных лучей призрак, прикованный к своей могиле? Что может воин без меча, полководец без войска, король без власти, у которого нет ничего, кроме любви к предавшей его земле?

– Не знаю, – тихо сказал Эдмунд, – но это моя страна, и защищать ее мне...

Ее заметили, когда до спасительной опушки оставалось совсем немного. Несколько низких и широкоплечих фигур выбежали из-за зеленой изгороди и бросились наперерез. Дженни застыла, непонимающими глазами глядя на страх, внезапно облекшийся уродливыми телами. Один из чужаков споткнулся и, гремя железом, покатился по земле. Злобный вопль вывел Дженни из столбняка, девушка развернулась и бросилась бежать, а за ней, сопя и ругаясь, гналась смерть. Отвратительная, грязная, безжалостная... Девушка ничего не соображала, как ничего не соображает улепетывающий заяц, она не знала, кто ее преследует, но это они убили маму, Джонни, Кэт, миссис Пулмсток...

Темная стена приближалась, Дженни промчалась между высокими кустами, прыгнула в ручей, подняв тучу брызг, побежала вверх, оскользаясь на водорослях. Преследователи не отставали, Дженни слышала плеск, пыхтенье, непонятные выкрики. Убийцы, кто бы они ни были, не собирались отпустить свою жертву. Девушка бежала, пока русло не перегородило упавшее дерево, через которое было не перебраться.

Плеск и сопенье сзади нарастали, и Дженни, собрав последние силы, выбралась на берег, продралась сквозь заросли таволги и оказалась на поляне, куда меньше той, на которой она уснула утром. Как же давно это было, как немисли-

мо, невозвратно давно! Погоня хлюпала уже совсем рядом, девушка заметалась, не зная, что делать. В зарослях у ручья затрещало, Дженни, жалко пискнув, бросилась в заросли на дальней стороне поляны, упала на землю и замерла, беззвучно шевеля губами.

Она сама не понимала, кого просит, чтоб ее не нашли, – маму ли, Божью Матерь или кого-то неведомого, но доброго и сильного, который придет и спасет.

Белая луна равнодушно выплыла из-за ветвей и осветила покрытую белыми цветами прогалину. Тени деревьев были черными и густыми, они шевелились, словно живые. Тени не были врагами, но помочь тоже не могли. Прибрежные кусты дрогнули, из них вывалился кто-то приземистый и широкоплечий, а за ним еще двое. На опушке их было больше.

Дженни со странным равнодушием смотрела на мечущихся по поляне в поисках жертвы низкорослых бородатых мужиков в блестящих железных шапках. Будь они повыше хотя бы на ладонь и иначе одеты, они сошли бы за чизейских возчиков. Ночной ветерок доносил запах пивного перегара и чего-то похожего на конский пот, но более едкого. Девушка еще сильнее вжалась в землю и попыталась отползти в глубь зарослей. Это ее и погубило: попавшаяся под руку сухая ветка пропорола Дженни ладонь и громко треснула.

Мечущиеся фигуры замерли, затем одна протянула вперед толстую короткую руку. Раздался рев и хохот, и тройца рванула на звук. Дженни вздрогнула и закрыла глаза, она

больше не могла ничего, даже бояться. Из пропоротой ладони хлестала кровь, но это было неважно. Сейчас ее убьют, как маму и миссис Пулмсток, только пусть это будет сразу. Пожалуйста, пусть это будет сразу...

Резкий порыв ветра донес запах дыма, не такого, как от печи или от пожара. Горький, странно горький запах, словно жгут прошлогодние листья, но ведь сейчас весна. Дым развеялся, но раздался голос, негромкий и властный, он звучал словно бы издалека. Говорили по-олбарийски... Кто? Кто тут?! Это не они!

Дженни распахнула глаза как раз вовремя, чтоб увидеть улепетывающую в диком ужасе троицу и рвущийся к небу призрачный огонь, словно на болотах в Иванову ночь.

Мерцающая пламенная стена отгораживала Дженни от поляны, но она все равно видела кого-то стройного и с мечом у пояса. Рыцарь! Откуда? Неизвестный стоял спиной к девушке, положив руку на эфес. Он и не думал преследовать чужаков, которые, перестав быть страшными, стали смешными. Неуклюже переваливаясь на коротких кривоватых ногах, они бежали к ручью, странно вскидывая колени. Нет, не бежали – брели словно по раскисшей от дождей пашне, но ведь сейчас сухо, отчего ж эти трое барахтаются, будто пони в трясине?

Серебристый огонь не гас, он словно бы вращался в землю вместе с тонущими. Карлики пытались вырваться, но увязали глубже и глубже. Они кричали, как же они кричали, но

им ответила лишь сова. Дженни, словно приросшая к земле, не могла вымолвить ни слова, неизвестный рыцарь тоже молчал. Он не двигался, лишь ночной ветер шевелил блестящие темные волосы, слишком длинные даже для благородного лорда.

Троица продолжала биться в превратившейся в болото земле, проваливаясь по бедра, по пояс, по плечи... Крики не смолкали ни на мгновение, становясь все более хриплыми, тонушие тянулись к спасительным веткам, но кусты брезгливо отстранялись. Теперь над травой виднелись лишь мечущиеся руки и запрокинутые, непрерывно вопящие головы, затем исчезли и они, прозвучал последний приглушенный хрип, качнулись белые цветы, и все смолкло. В тот же миг угас и призрачный костер. Перед Дженни лежала обычная лесная поляна, над которой витал острый запах дыма. Рыцарь медленно обернулся, теперь девушка могла разглядеть его лицо – бледное, с высокими скулами и упрямым подбородком.

Незнакомец был еще молод, он казался спокойным, грустным и совсем не страшным. Дженни знала – этот лорд не сделает ей ничего плохого, он вообще не может сделать ничего плохого, но вдруг он сейчас исчезнет и она останется одна? Дженни торопливо выскочила из кустов и замерла на краю поляны. Рыцарь поднял на нее глаза, огромные, чуть раскосые, они светились тем самым серебристым светом, что и угаснувший костер.

– Тебе ничего не грозит, – сказал он, – не бойся.

Дженни молча кивнула, не отрывая взгляда от незнакомца. Он ее спас, ему можно верить. Теперь Дженни окончательно уверилась, что перед ней – знатный лорд, но какой-то странный. Лицо выбрито, словно у священника, а вот волосы длинные, до плеч, и одет как-то не так.

– Милорд, кто вы?

– Когда-то меня звали Эдмунд. А кто ты?

– Дженни, – девушка робко улыбнулась. Ей стало хорошо и спокойно, так спокойно, как никогда в жизни.

– Дженни, который сейчас год?

– Не знаю, милорд, – Дженни виновато вздохнула, – весна сейчас, скоро день святого Губерта, а год... Это монахи знают, и... И мистер Пулмсток знал, но его убили.

– Кто у вас король?

– Дункан, – пробормотала девушка и заученно добавила:
– Храни его Господь.

– Как давно он правит?

– Давно... То есть я родилась, он уже был...

– А Малкольм? Тот, что разбил прежнего короля? Кто он Дункану?

– То был старый король, – девушка зашевелила губами, что-то припоминая, – отец нынешнего. Он долго правил...

Собеседник не ответил, тонкое лицо оставалось спокойным, но ему было очень плохо, это Дженни поняла сразу. Так смотрела мама, когда умирал отец, она уже все знала, они с

Джонни еще нет.

– Милорд, – Дженни подалась вперед, – милорд... Я могу вам помочь?

Рыцарь внимательно посмотрел на девушку, и ей стало страшно и вместе с тем легко. Такое с Дженни бывало, когда она стояла у обрыва и смотрела вниз. Ей хотелось прыгнуть, она знала, что это смерть, но что-то толкало в бездну, обещающая крылья.

– Когда сюда пришли гномы? – резко спросил незнакомец.

– Гномы? – растерянно повторила Дженни. – Это гномы? Но они же живут далеко... В Петрии...

– Жили, – глухо сказал ее собеседник, – а теперь они здесь.

Она не ответила... Гномы! Они уже приходили. В маминих сказках, которые так любил Джонни. Тогда был жив отец, и они жили в хорошем доме. Мама смеялась и пела, а по вечерам рассказывала сказки, в которых сначала все было страшно и плохо, а потом приходили эльфы, и все становилось хорошо. Гномов разбивали, эльфийский принц влюблялся в прекрасную девушку и женился на ней, а их сын становился королем Олбарии. Однажды Джонни спросил, что было дальше, мама промолчала, а отец закричал, что эти сказки – чушь и их нужно забыть. Потом Дженни стало не до сказок, а сейчас они ее догнали. Гномы пришли, они убивают, грабят, жгут, их доспехи не берет никакая сталь, они не знают ни усталости, ни жалости... Но если правда про гно-

мов, то...

Девушка с восторгом взгляделась в лицо собеседника.

– Милорд... Милорд меня простит... Милорд эльф? Дивный народ спасет нас от гномов?

– Нет, – он покачал головой, – эльфы ушли навсегда... Но остались мы...

Джеральд де Райнор со злостью отшвырнул попавшееся под ноги ведро. Ведро герцогу ничего плохого не сделало, но не срывать же настроение на солдатах и лошадях, они-то уж точно ни в чем не виноваты. Де Райнор несколько раз сплел и расплел пальцы, пытаясь успокоиться. Иногда это помогало. Иногда, но не сейчас.

– Джеральд, – граф Лэннион поднял ведро и поставил у двери, – не сходи с ума. Эдак ты ничего не добьешься.

– А как добьюсь? – злые рысьи глаза в упор уставились на старого вояку. – Никогда не сомневался, что Дангельт спит и видит загнать меня в преисподнюю, но чтоб вместе со мной швырнуть в пекло лучших стрелков Олбарии?! Наше место на побережье, Одри, на побережье! Ледгундцы боятся олбарийских луков... Но бросать лучников против шарта!

– Лучше бросить де Райнора против гномов, чем дожидаться, когда он поднимет меч на короля, – назидательно произнес Лэннион.

Джеральд оторопело уставился на ветерана.

– Милорд! Да за кого вы меня принимаете? Де Райноры не стреляют в олбарийцев, когда на берег лезут лягушатники!

– Успокойся, – Одри Лэннион развел руками, – я это знаю, а вот Дангельт вряд ли. Каждый, знаешь ли, судит по себе. Дункан хочет от тебя избавиться? Отплати ему тем же. По-

шли Его Величество в задницу и делай, что можешь.

– Аминь! – в зеленых глазах сверкнула молния. – Милорд, как насчет горной охоты? Куиллендцы пожаловали к нам? Очень хорошо! А мы пожалуем к ним!

– Хороший план, – одобрил Лэннион, – очень хороший. Только когда ты увидишь, что творят недомерки, ты положишь всех своих людей и сдохнешь сам, прежде чем вырежут еще пару деревень.

– Сдохнешь? – на красивых губах Джеральда мелькнула тень его всегдашней улыбки. Улыбки, которая так бесила короля. – Что-то мне не верится, что дружина Лэнниона удерет, бросив нас на произвол судьбы.

– Правильно не веришь, – махнул рукой граф, – сдохнем вместе. Нужно задержать этих гадов.

– Гномы... Гномы из сказок... До сих пор не верится, – пробормотал Джеральд, ероша свои и без того спутанные светлые волосы.

– Проведи своих через Сент-Кэтрин-Мид. Они будут лучше сражаться. Мы догоним эту шваль к полудню.

– Может, выждем до вечера? Айнсвик славится пивом, пусть перепьются...

– Они от пива не засыпают, а звереют. И врасплох их не застанешь, в темноте они видят не хуже кошек. Одни гуляют, другие сторожат. На марше их не взять, я попробовал... Вернее, не я, Джекки Хендред. Не вынес того, что увидел. Зато мы теперь знаем, как гномы встречают конницу. До вчераш-

него дня я думал, что у нас хорошие копья и крепкая броня...

– Дьявольщина! – Джеральд стиснул руками столешницу так, что побелели костяшки пальцев. – Должна же на них быть управа!

– Она и была! Эльфы и Доаделлины...

– Ну, спасибо, – де Райнор зло усмехнулся. – Эльфы исчезли три сотни лет назад, а Доаделлинов мы прикончили своими руками...

– Мы? – переспросил Лэннион. – Помнится, ты родился через тринадцать лет после Айнсвика.

Джеральд махнул рукой. Внук пришедшего с первым Дангельтом обнищавшего ледгундского рыцаря, получившего титул и часть земель Элгеллов, он вырос большим олбарийцем, чем многие олбарийцы. А вот короля де Райнор не любил и не скрывал этого, он вообще был дьявольски смел. Идти в бой с Джеральдом одно удовольствие, но бой этот будет последним. Шарт – это шарт.

– Милорд! – Веснушчатый дружинник в цветах Элгеллов топтался на пороге, и лицо его было каким-то странным.

– Дэвид? – поднял бровь Джеральд. Он знал чуть ли не всех своих людей поименно.

– Милорд, тут... Ну, девчонка одна до вас просится, говорит, дело.

– Что за девчонка? – быстро спросил де Райнор.

– Обычная девчонка, местная...

– Давай сюда, вдруг что важное.

– Только, – Дэвид пару раз переступил с ноги на ногу, – сдается мне, не в себе она... Тут дело такое. Городишко ихний пожгли, она в лесу пряталась...

– Ну так какого черта?

– Сам не знаю, – воин казался удивленным, – есть в ней что-то...

– Хорошо, – положил конец сомнению Лэннион. – Пусти.

Девушка оказалась совсем молоденькой, лет семнадцати, не больше. Светленькая, худенькая, она едва доставала Джеральду до плеча и, казалось, сама не понимала, как и зачем здесь очутилась. Зато Лэннион понял, почему воин привел ее к своему лорду. Эту крестьянку нельзя было оттолкнуть, нельзя, и все тут!

Джеральд с удивлением разглядывал гостью, явно не зная, с чего начать разговор. Его начала девушка.

– Милорды, – голосок ее был звонким и нежным, а светлые глаза смотрели растерянно и грустно, но внезапно в них сверкнула сталь, и графу Одри захотелось встать и преклонить колено перед истинным величием и истинной силой. – Милорды! Олбария в опасности, наш долг остановить вторжение!

6

– Я создам тысячелетнюю державу, – Маэлсехнайли Моосбахер поднял кружку с пивом. – Люди занимают слишком много места, но кто они такие? Скоты, жалкие, грязные скоты!

– Ты прав, мой гросс² – Толстый гном с множеством золотых цепей поверх кольчуги осушил свою кружку и впился крепкими зубами в свиной окорок. – Но у людей отменная пища.

– Потому я и не намерен истреблять всех, Ронинг, сын Кергьяльвальди. Нам нужны рабы, которые будут варить пиво, печь хлеб, коптить мясо. Я оставлю столько людей, сколько нужно, и ни на одного больше! Время, когда мы жили под землей и отдавали созданное своими руками в обмен на пищу, прошло. Мы возьмем то, что хотим, по праву сильного!

– И по праву рождения, – сверкнул глазами жрец Глубин Штребель. – Ведь мы – любимые дети самой Земли!

– Я уничтожу бесполезных людей, мне не нужны монахи, бродяги, купцы, знать, воины... Ха, – Маэлсехнайли стукнул кулаком по столу, – разве можно называть столь благородным словом жалких, тонкокостных ублюдков?

– Я против полного уничтожения знати, – покачал головой Шреппо, сын Лоппаринера, – сравни крестьянку и леди

² Великий военный вождь.

и сразу поймешь.

– Вождь не спит с переростками, – надменно произнес сын Моосбахера, – но ты прав, воины заслуживают награду за свои подвиги. Мы отберем подходящих женщин для развлечения. Благородное семя не прорастает в дурном чреве, наша раса избавлена от ублюдков.

– Это лишнее доказательство нашей избранности, – почти выкрикнул Штребель, – нашей избранности и никчемности вымерших эльфов! Если соитие эльфа и человека не является бесплодным, значит, эльфы такие же животные, как и люди. И подлежат уничтожению! Мир принадлежит гномам и только гномам! Мы – великий народ, соль земли, плоть от ее плоти, мы владеем ее недрами, но мы получим все!

– Все, что хотим, – поправил бригаштандер³ Лоппаринер, – ибо зачем нам море?

– Да, – подтвердил Маэлсехнайли, – мы возьмем все, что хотим, но сначала нас ждет работа! Много работы! Я намерен короноваться в день осеннего равноденствия в главном городе переростков. Нужно спешить. Пиновац, сын Вермана, есть ли отставшие?

– Этой ночью не вернулось трое воинов бригаштандера Йель-бан-Тук-унд-цу-Плаха. Дознание показало, что они углубились в лес, преследуя женщину.

³ Военный вождь, изначально командующий бригаштандом, соединением, в котором не менее пяти тысяч воинов, однако звание бригаштандера может просто указывать на высокое положение.

– Отныне отставшие подлежат казни, – Маэлсехнайли хлопнул ладонью по залитому пивом столу, – Пиновац, проследи, чтоб начальники дезертиров, начиная с цвельферт⁴ и кончая штандером⁵ подверглись взысканию. Я не позволю распускаться!

– Слушаю, мой гросс! – вскинул руку Пиновац.

– Ступайте, – Маэлсехнайли, сын Моосбахера, махнул рукой, отпуская сподвижников. Дела шли отменно, но нельзя показывать подчиненным, что ты доволен. Подчиненные должны знать, что, как бы они ни старались, они всего не учтут. Только гросс знает все, может все и никогда не ошибается.

Моосбахер поправил на груди цепь с бриллиантом гросса. Подумать только, каких-то сто лет назад он был никем, учеником младшего гранильщика, которому было отказано в звании мастера. Каждый мастер и даже старшие подмастерья называли его просто Маэлси, паршивый Рунтер Бальзер не отдал ему руку дочери, а Борни Штакер дразнил пещерным грибом и придурком! И где теперь Рунтер и Борни? Один прикован к тачке за оскорбление Горного Владыки, а второй сломал шею в дальней штольне!

Никто не может безнаказанно вредить гроссу Моосбахеру! Старик Шест-ам-Потим думал, что Маэлсехнайли в бла-

⁴ Младший начальственный чин, под его началом находится двенадцать воинов.

⁵ Командующий штандом, насчитывающим от 500 до 1000 воинов.

годарность за его подачи всю жизнь будет наполнять его тачку, как бы не так! Пусть ищет другого дурака, Маэлсехнайли создаст великую державу не для Шеста, а для себя. Придет время, и он вернется в копи Петрии и даст пинка старому мерзавцу Якшу.

Нет, он не станет завоевывать бывших соплеменников, они сами приползут к нему на брюхе, когда станет нечего жрать, но сначала нужно подчинить людей. Кто владеет людьми, тот владеет пищей. Старичье этого не понимает, а он понял. В Петрии думают, Маэлсехнайли увел тех, кто хочет корпеть над горнами и таскать руду на новом месте. Когда Якш догадается, будет поздно. Он запрет стариков в пещерах и заставит работать за еду.

Маэлсехнайли Моосбахер не будет владыкой мастеров, он будет владыкой воинов, потому что воинам принадлежит весь мир. Потом он позволит избранным завести семьи. Петрийские заправила вбили в свои медные лбы, что Феррерское царство станет платить выкуп за невест. Ха! Это петрийцы будут расплачиваться дочерьми за ветчину и пиво.

Маэлсехнайли налил себе портера и выпил. Благородный напиток, не то что красная дрянь, которую лакали проклятые эльфы и подражающая им человеческая знать. Долговязые худосочные ублюдки с гладкими мордами! Разве они знают толк в жизни?! Зеленоглазые твари не имеют прав ни на бессмертие, ни на магию, ни на глупые сказки и песни, которые про них сочиняют люди. Говорят, верхние женщины поме-

шаны на эльфах, тем более за одно упоминание о бессмертных уродах нужно убивать, и тогда о них забудут, о них и о том, как они вступили в союз с людьми и вынудили гномов отступить. Переростки должны уяснить, что они всегда были рабами гномов, тогда они не станут бунтовать. Скотина должна вести себя тихо...

Маэлсехнайли рыгнул, любовно погладил символ гросса и вышел к воинам. Его ждали. Блеснули тысячи секир, взревели и смолкли трубы. Будущий великий повелитель, а пока гросс Маэлсехнайли сын Моосбахера с достоинством поднялся на деревянный помост на колесах и опустился в массивное, богато украшенное кресло. Сто воинов Алмазного штанда налегли на ременные петли, и платформа медленно и величественно двинулась по пыльной дороге. Вождь не ходит пешком, вождя везут его лучшие воины. Это высочайшая честь, будущее благополучие и лишняя кружка пива каждый вечер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.